

АКАДЕМИЯ НАУК С.С.СР

**ТРУДЫ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО
ФИЛИАЛА**

XXV

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Баку 1956

БАШНИ-МАВЗОЛЕИ В БАРДЕ И ИХ НАДПИСИ

I

Нынешняя Барда, в 25, приблизительно, километрах от ст. Евлах, на юг от Куры и на левом берегу р. Тертера, расположена на остатках большого когда-то города, следы которого занимают площадь в несколько километров в длину и ширину. Сейчас—это оживленный и быстро разрастающийся районный центр, захватывающий своими постройками все большую и большую часть старого городища, но еще лет 25—30 тому назад на этом месте стояла лишь глинобитная крепостца, около нее были: мечеть, кладбище, почтовая станция, 2—3 лавочки, кузницы и несколько обычного деревенского типа домов. Благодаря усиленному росту социальности и превращению в центр хлопководного района, Барда переживает ныне новый под'ем жизни (1).

В нашу задачу не входит изложение всей истории Барды; однако, ее прошлого необходимо коснуться, чтобы отчетливее оттенить момент, к которому относится возникновение описываемых ниже памятников.

Самое название „Барда“ представляет значительный интерес, восходя к глубокой древности. Непосредственно из наличных языков кавказских народов оно не объясняется. В начальном предании грузинской „Картлис-цховреба“, Бардос, эпоним этого района, называется сыном Таргамоса и братом эпонимов главнейших групп кавказских народов: Гаоса, Картлоса и других. Следовательно, уже в эпоху составления начала этой летописи, имя Бардоса считалось отзвуком незапамятной древности. Непосредственно Бардосу приписывается там и основание Бардава (2). В армянской версии той же грузинской хроники отмечается, что владения Бардоса тянулись вдоль Куры от Аракса до р. Бердаходжа—груз. Бердуж[и] (3), в названии которой трудно не признать той же основы слова, что и в именах Барды и упоминаемых: у Вахушта—крепости Бердик[и] (4), у арабских географов—арранского города Бердиджа (5). Резиденция албанских католиков близ Барды носила имя Бердакур (6), обычно переводимое армянским словом „крепостца“, но легко может оказаться, как это часто встречается в кавказской топонимике, что здесь имеется осмысливание, на почве армянского языка, более древнего названия все с той же основой. То, что летописец выделяет удел Бардоса в особый от соседних областей (Эрет[и], Мовакана и др.) район, указывает, повидимому, на сохранение его населением, современным летописцу, таких особенностей, которые позволяли видеть в нем самостоятельную единицу в упоминаемой выше своеобразной классификации

кавказских народностей. На вопрос, каково было это древнее население Барды и его района и почему основа этого имени сохранилась в ряде местных топонимических терминов, ответить пока трудно. Как догадку, основанную на намеках средневековых армянских историков, можно высказать предположение, что это население, во всяком случае не армянское, было более или менее тесно связано с населением областей к северу от Куры и в некоторые моменты своей исторической жизни представляло почти однородную с ним этническую массу (7).

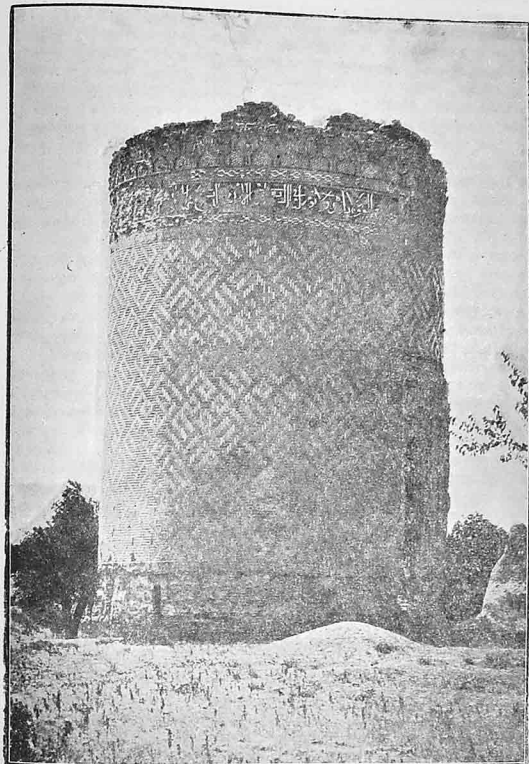
Находки монет Александра македонского, селевкидов и аршакидов указывают на наличие на месте Барды значительного торгового пункта еще в первые века до, — а затем и после начала европейской эры, задолго до того, как, по словам Моисея Каганкатваци, здесь был построен при сасаниде Фирузе (457—487) город Фирузабад (Перожапат) (8). Это официальное имя было вытеснено позже более древним именем Партав (Бардав, Берда'а).

В связи с общими явлениями, игравшими роль в истории азербайджанских городов, теряет свое значение прежняя столица Албании — Джабала (9), и Барда, стягивая постепенно к себе экономические интересы всего восточного Закавказья, превращается в его главный политический центр. Резиденция сасанидских наместников в V—VII в.в. (10), албанских католосов — с VI в. (11) и албанских князей — в VII в. (12), Барда в том же столетии вступает в договорные отношения с арабами (13), а с половины VIII в. становится местом пребывания арабских наместников Аррана и Армении (14), одним из центров исламизации страны и одним из крупнейших торговых городов переднего востока. IX и начало X века являются временем наибольшего расцвета города и его торговли.

От до-арабского Партав, кроме монет, пока не найдено никаких остатков. Только арабский город оставил засыпанные землей фундаменты построек, усердно разбираемые теперь жителями, высохшие оросительные каналы, неясные всхолмины, по которым несколько десятков лет тому назад кое-где можно было проследить направление улиц (15), обломки посуды, монеты и т. п. Арабских надгробий на кладбищах не сохранилось, так как камни в этой степной местности считаются очень ценным материалом и усердно собираются. Возможно, что многие из них пошли на перетеску для более новых надгробий.

После набега русов, около 944—945 (16), благодаря потере для арабской торговли северных рынков, Берда'а не смогла оправиться и начинает быстро клониться к упадку. Историки XI—XII столетий о ней почти не упоминают, а в начале XIII века арабский географ Якут, со слов лиц, бывших там, описывает Берда'а, как нищее селенье, ютившееся среди развалин (17).

Таким образом, арабский Берда'а окончательно сходит со сцены, поэтому последующее строительство на его территории нельзя ставить в связь с традицией местного городского арабского строительства. Единственно, что могло уцелеть от прежней кипучей жизни, — это некоторые культовые сооружения, завоевавшие репутацию святости и при-

влекавшие поклонников и лиц, желавших быть там похороненными даже тогда, когда кругом святилищ ничего уже не оставалось, кроме кладбищ и развалин. Возможно, что мечеть селения, возобновленная в половине XIX в. (18) и пользовавшаяся большим почетом со стороны населения степи, стоит на месте старинных культовых же сооружений. Она и теперь окружена большим кладбищем, на территории которого находится один из рассматриваемых ниже мавзолеев. Второй мавзолей тоже мог иметь отношение к этому кладбищу в то время, когда еще не была построена глинобитная крепость (о ней ниже) и когда кладбище перекидывалось за сухое ныне ложе канала или протока реки, проходящее между мечетью и крепостью. Кладбище состоит теперь из могил, не восходящих далее первой половины XIX в. На этом кладбище продолжают хоронить, но в то же время оно все более уничтожается наступающими на него со всех сторон постройками, садами и полями (на соседних запаханых участках все еще видны кое-где могильные камни).

Время с XII и до начала XIII в. было периодом экономического упадка не только для Берда'а, но и для всего Азербайджана и окружающих его стран. Падение товарообмена, поворот к замкнутому натуральному хозяйству, серебряный кризис, дробление на массу мелких самостоятельных владений с их бесконечными войнами между собой, захват торговых городов феодалами—такова картина этого времени. Монгольское нашествие начала XIII в. сыграло очень крупную роль, ускорив процесс перехода страны от резко выраженных форм феодального строя к более прогрессивным. Монголы в значительной мере уничтожили власть крупных феодалов, державших города в своих руках, и объединили под одной политической властью громадные пространства, что повело к открытию новых рынков, изменению условий товарообмена, расширению области денежного хозяйства и т. д. Все это отразилось на развитии городов, в том числе и Берда'а, который начинает оправляться. Во второй половине XIII в. показателем его оживления служит его монета, появляющаяся сперва отдельными редкими экземплярами, а с начала XIV в., особенно с воцарения султана Абу-саида (зимней стоянкой которого нередко бывали окрестные степи),—почти непрерывными рядами и чеканившаяся до самого падения хулагуидского государства в половине XIV в. В рядах монет Берда'а этого времени имеется лишь один значительный пробел, с 1322 по 1328 или 1332 г. (19), странным образом совпадающий со временем возникновения разбираемых ниже памятников.

Нельзя, однако, говорить, что новый период развития Берда'а протекал без потрясений. Летописи сохранили сведения о нескольких военных тревогах, несомненно, отзывавшихся и на жизни города.

Так, в 1318 г. золотоордынский хан Узбек вторгся через Дербенд, дошел до Куры и послал Исень-кутлуга с его туманом разгромить Арран. Падение скота и лошадей, а также угроза обхода со стороны собравшихся у Бейлакана войск персидских монголов вынудили Узбека уйти обратно (20).

Едва кончались эти военные действия, как район между Курой и Араксом стал центром восстания монгольских же эмиров против всемогущего тогда эмира Чобана. Весь Карабах оказался в руках повстанцев; они нанесли поражение Чобану близ Гюки, но в августе 1319 г. были разбиты у Миане, и восстание завершилось казнью многих монгольских эмиров, во главе с принцессой Кунджук, дочерью султана Ахмеда. Лишь немногие успели спастись бегством в Золотую Орду (21).

В следующем, 1320 г., Карабах был захвачен золотоордынским выходцем, братом Узбека—Асхир-оганом, пытавшимся выкроить здесь себе самостоятельное государство. Его попытка была ликвидирована посланным против него 10-ти тысячным корпусом, в сражении с которым претендент был убит (22).

Дальнейшие события, сведения о которых дошли до нас, не могут уже иметь отношения к разбираемому ныне памятникам. Монеты джаа-ридов и Тимура отмечают жизнь города до рубежа XIV и XV вв., затем город, повидимому, опять приходит в упадок и почти не упоминается источниками. Б. Дорн утверждает, что своим окончательным разрушением город обязан шаху Надиру в XVIII столетии (23). Но это не вполне точно: Барда, как город, умирал постепенно в течение всего XVIII столетия. Возникшая на его месте небольшая деревушка сохранила, однако, его древнее название и теперь, как упомянуто выше, начинается новый период своего существования.

Войны и набеги, примеры которых были только-что даны, имели преимущественно местное значение и, конечно, нельзя думать, что они могли прекратить строительство в значительных районах. Изменение условий возникновения крупных сооружений обуславливалось не войнами, а общими изменениями хозяйственно-экономического быта страны, при чем не следует терять из вида то, что они почти никогда не бывали вполне одинаковыми на всей территории Азербайджана.

Документами по истории азербайджанского строительства являются, во-первых, сами сохранившиеся памятники, во-вторых—строительные надписи на них. Памятников и надписей до-сефевидского времени дошло до нас сравнительно немного, поэтому лишь в качестве общей схемы, в которую укладывается пока наличный материал, мы решаемся дать следующее ниже построение.

В XII и до начала XIII в. социальные условия связывали все население феодальными отношениями. Накопление крупных средств возможно было лишь в руках феодалов, и притом в форме преимущественно не денежных капиталов, а людского труда—от применения простой физической силы до квалифицированного мастерства, в том числе и строительного искусства. Городских общин, независимых от феодальных владельцев, почти не было. Постройки могли возводиться только феодалами и, конечно, лишь в их интересах. В первую очередь наличные силы и средства должны были идти на самые необходимые для феодалов сооружения: крепости, замки, башни и т. п., и притом значения не обще-государственного, понимая под государством то объединение, в которое входило данное феодальное владение, а местного, важного только

для этого владения. Монастыри этого времени подобно городам, находились целиком во власти феодалов, и их строительство шло в том же направлении: монастыри обстраивались укреплениями постольку, постольку они служили опорными пунктами для феодалов. Куяльтовое там, где у феодалов оставались излишки строительных средств за удовлетворением нужд строительства крепостного. Такие излишки не могли накапливаться в мелких владениях, особенно лежащих вдали от торговых путей или более крупных центров экономической жизни. Типичными памятниками мелко-владельческой строительства являются замки и башни Апшеронского полуострова, воздвигавшиеся с конца XII вплоть до XIV в., благодаря тому, что здесь долог еще был уклад феодального строя, характерный для до-монгольского времени. Имена мастеров и архитекторов здесь нигде не указывают на то, что это не свои же местные люди, связанные местными феодальными отношениями. Куяльтовое строительство здесь начинает развиваться слабее лишь около XIV в.

В районах, более близких к крупным экономическим центрам, как Нахкрай, входивший в состав владений ильдегизидов и др., мы наблюдаем, даже для до-монгольского времени, несколько иную картину: излишек средств не только в рабочей силе, но, вероятно, и в деньгах, идет здесь, наряду со строительством крепостным, и на другие его виды. Уже в конце XII века здесь вырастают такие крупные сооружения, как башня-мавзолей атабека 582 (=1186/7) г. и др. Строительные надписи этих сооружений дают имена мастеров, придающих себе прозвища, как „архитектор нахичеванский“ (24), подчеркивающие, повидимому, их некоторую независимость в области работы и выход из положения простых слуг или вассалов местных владельцев.

В начале XIII в., как уже указывалось выше, сложившиеся феодальные отношения перестраиваются в значительной степени под воздействием монгольского завоевания в новые, более свободные формы. Появляется категория лиц, могущих свободно продавать свой труд, технические и художественные навыки, и притом не только на месте, в пределах прежних мелких феодальных владений, но и далеко вне их. С другой стороны, новые хозяйственные формы позволяют накапливать денежные капиталы в руках представителей различных общественных групп. Уже Несави, в начале XIII в., неоднократно упоминает о крупных денежных суммах, доходивших до десятков тысяч золотых динаров, переходивших из рук в руки среди служилого эмирства, чиновничества и духовенства. Несомненно, появлялись капиталисты различного калибра и в городах, особенно среди торговцев. В течение XIII и XIV вв. этот процесс распада феодальных отношений в Азербайджане продолжается, создавая предпосылки для развития новых типов строительства. Появляется не только возможность оплачивать постройки, но и вызывать для их сооружения мастеров и художников из других областей или посылать туда заказы. Мы видим, например, что изразцовая облицовка 684 (=1285/6) г. дервишского монастыря Ханека, в долине реки Пир-

сагата, заказывается в тех же мастерских, которые изготовляют облицовку для вераминских и других мечетей Ирана (25). Тот же монастырь цевку для вераминских и других мечетей Ирана (25). Тот же монастырь к началу XIV в. оказывается обладателем громадного хозяйства, в котором фигурируют десятки тысяч голов крупного и мелкого скота (26), а в Барде, как показывают разбираемые ниже надписи, воздвигаются громадные мавзолеи *архитекторами из Нахичевани*, где, повидимому, издавна сложилась своя художественная школа зодчества.

II.

На краю селения Барда, влево от шоссе дороги из Евлаха в Шушу, сохранилась глинобитная крепость, представляющая в плане правильный квадрат со стороной в 115 м, ориентированная углами по странам света, с уклоением в 25° к востоку. Сухое русло речного протока или канала служит рвом с юга. Высота стен около 4—5 м, по углам и по серединам фасов—круглые полубашни, одинаковой высоты со стенами, диаметром в верхней части около 9,5 м, глухие до высоты барбета, идущего вдоль всех четырех фасов. Ворота находились в середине полубашни ю.-з. стены, но теперь они завалены и заменены новым въездом, сделанным в полуразрушенной западной башне. Внутри крепости стоят два новых одноэтажных дома, видны кое-где остатки глинобитных стен и незначительные всхолмины и впадины, а прямо против прежних ворот, в 15 м от них, стоит изолированно башня-мавзолей начала XIV в. Крепость же относится, вероятно, к более позднему времени.

Надписи этой башни были разобраны еще Н. И. Ханьковым (27), краткую заметку о ней и ее рисунки дважды давал Б. Дорн (28), а наиболее подробно, но очень неточно, ее описал В. М. Сысоев (29). В марте 1930 г. мною и проф. В. М. Зуммером были произведены съемка, замер и проверка остатков надписей башни и по этим данным сделаны прилагаемые описания, чертежи и цинкографии.

Башня (рис. 1) представляет собой правильный круглый цилиндр, с наружным диаметром 10,0 м, при высоте от почвы до разрушенной части купола около 13,5 м. Цоколь, на высоту человеческого роста, сохранил следы совершенно ободранной ныне облицовки тесаным камнем и отделен от выше расположенной поверхности стен пояском в 35 см с кувшинообразной на нем надписью. Над пояском вся боковая поверхность башни облицована глазированными торцами кирпичей так, что они образуют многократно повторяющееся в разных направлениях слово „Аллах“. Эта боковая поверхность завершается наверху горизонтальными поясками: 1) узорчатым плоским около 32 см, 2) плоским, того же размера, но другого рисунка, 3) широким, около 75 см, с надписью несом, 4) того же размера и рисунка, как второй, 5) двумя рядами арочек невысокого рельефа, общей высотой около 75—80 см, 6) бесформенными обломками выступавшего карниза. С севера, с отклонением на 5° к востоку, в цоколе находится заостренный сводчатый вход в подвальное помещение, а над ним богато украшенный портал входа в верхний этаж (рис. 2). Подобный же вход, но с менее сложным порталом, ведет в тот же этаж с юга (рис. 3).

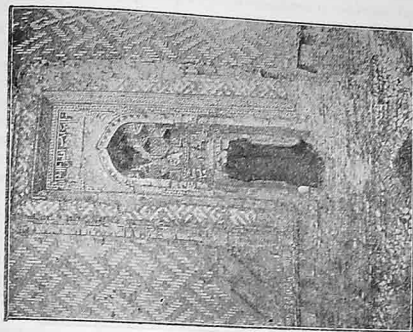

Рис. 2

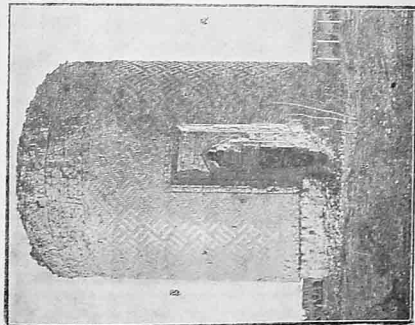

Рис. 1

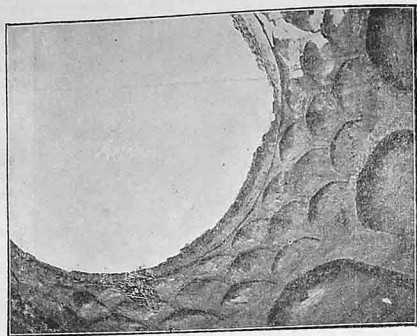

Рис. 4

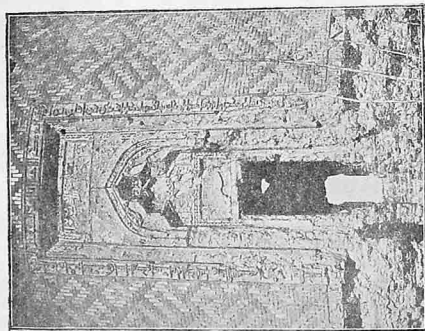

Рис. 3

Подвальный этаж дает в плане крест (рис. 5, 7), ветви которого незначительно, сантиметров на 5—8, расширяются к концам. Перекрестие было перекрыто сдвоенным куполом, но от него сохранились лишь паруса, а ветви—продольными сводами формы, которую можно условно назвать усеченно-стрельчатой (30). Высота от пола до верхней плоскости этих сводов—2,9 м. В замыкающих стенах трех ветвей, но не по их осям, а на 60—65 см вправо от последних, проделаны оконные амбразуры, круто поднимающиеся кверху и открывающиеся щелевидными отверстиями (около 20×70 см) в верхней части цоколя. Для ясности, на плане показана вся длина их разреза, хотя в натуре большая часть их длины находится выше плоскости чертежа. Стены и своды сложены из хорошо обожженного красного кирпича, размером $19 \times 19 \times 5$ см, на извести, причем толщина стен равняется $2\frac{1}{2}$ кирпичам (толщина стен, замыкающих концы ветвей, не могла быть измерена и показана на плане такой же толщиной, но, судя по примеру Аксадам-баба, она может оказаться и большей). Пространство между кирпичными стенами креста и бывшей наружной каменной облицовкой цоколя, до уровня начала парусов перекрестия и верха свода над входом, заполнено кладкой рядов мелких, 15—20 см в поперечнике, речных голышей на извести, а выше этого идет сплошная, повидимому, кирпичная кладка стен башни. Из северной ветви идет выход наружу, шириной около 118 см, перекрытый продольным стрельчатым сводом. Каменная облицовка цоколя вся ободрана, но ее толщина, около 30 см, может быть восстановлена на плане по сохранившимся следам гнезд камней.

Верхний этаж внутри дает в плане круг (рис. 8), диаметром 7,20 м, на котором, описывая его, стоит 10-ти гранная призма. В каждой грани, кроме северной и южной (ширина грани колеблется от 234 до 240 см), расположено по нише, сечением около 165 на 20 см, идущей во всю ширину грани и заканчивающейся острой арочкой. При посредстве небольших парусов, грани над этими арочками сведены к вписанному в упомянутый десятиугольник кругу. На последний опирается система трех рядов небольших стрельчатых арок, причем арочки верхнего ряда плоские, а нижнего и среднего—состоят из двух граней каждая, так что их замок свисает внутрь башни (рис. 4, 9, 10). Система этих арок составляет опору для круглого купола, от которого сохранилось лишь начало. Его внутренний диаметр около 630 см. Обломы порталов входов и их внешний вид даны на прилагаемом плане и рисунках. Ниши северной и южной грани начинаются над отверстиями для входов, а в верхних своих частях одинаковы с остальными. Вся внутренность башни выштукатурена и никаких следов лепных или вставных изразцовых украшений, вопреки словам В. М. Сысова (31), на ней не имеется. По всей окружности стен, с повреждением штукатурки и кирпичной кладки, тройной ряд углублений не вполне правильной формы, около $20 \times 20 \times 20$ см, сделанных, вероятно, богемальцами (32).

Во время осмотра башни несколько раз сюда приходили местные женщины-мусульманки, приносившие по горсточке хлебных зерен, которые ими и забрасывались в эти углубления.

III

Башня сохранила на себе довольно много надписей. Самая длинная, купфическая, начинается у нижней части правой (от зрителя) стороны северного портала, огибает его, образуя его внешнюю рамку, затем идет по пояску вдоль цоколя, огибает рамкой южный портал и опять идет по пояску вдоль цоколя доходит до исходного пункта. Буквы выделаны из брусчаток обожженной глины светло-кирпичного цвета, без поливы. Предположение Б. Дорна (33), что они были покрыты белой лазурью—ошибочно: это видно по участкам, дошедшим в отличной сохранности. Неверно также указание В. М. Сысоева (34), что буквы сделаны из зеленовато-голубых кирпичиков. Очевидно, В. М. Сысоев принял за буквы оставшиеся кое-где части фона, действительно такого цвета, сильно выкрошившиеся, тогда как сами буквы, глубоко вдавленные в известковую постель, уцелели почти на всем протяжении надписи.

Буквы выполнены без утолщений, линией в 2 см шириной, при высоте строчных букв около 6—7 см и длине элифов в 20 см. Некоторые отдельно стоящие буквы вынесены поверх строки. Формы отдельных букв видны на прилагаемых рисунках (рис. 3, 6). Диакритические знаки совершенно отсутствуют, равно как и разделение слов. Ширина внутренней части пояска надписи, без закраин—22 см.

Ни В. М. Сысоев, ни Б. Дорн не упоминают о содержании надписи, хотя еще Н. И. Ханников, по эстампажу, снятому Тархановым, отметил наличие в ней нескольких слов из 8-го стиха 78-й главы корана. В виду того, что подбор надписей по содержанию и даже их распределение по архитектурным линиям не лишены интереса для выяснения психологии строителей башни и точного установления назначения последней, приводим полный текст надписи с переводом по изданию корана Г. С. Саблукова (35), с небольшими редакционными поправками проф. П. К. Жузе. В надписи нет никаких отступлений от печатного текста корана. В прямые скобки заключены разрушенные ныне части, но и из последних кое-что еще разбирается по отпечаткам выпавших букв на оставшейся известковой постели.

(Вверх по правому краю северного портала): [«Во имя Аллаха ми-

лостивого, милосердного! О чем спрашивают они друг друга. О великой
вести, о которой они между собой разногласят? Действительно, скоро
они узнают ее; да, действительно, скоро узнают. (По верху порта-
ла) Не мы ли установили землю ровной, а горы столбами? [мы сот-

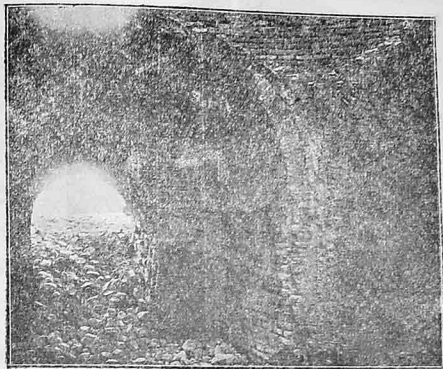

Рис. 5.

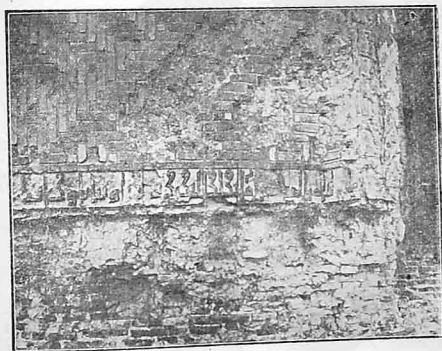

Рис. 6.

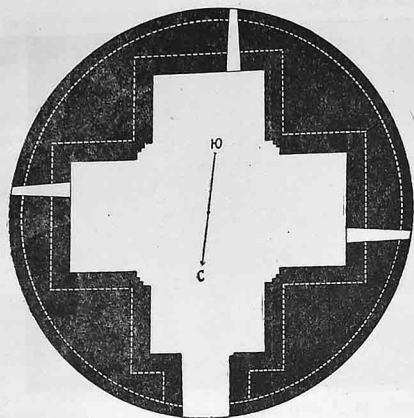

Рис. 7.

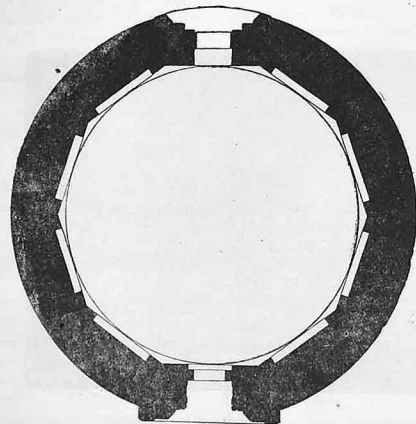
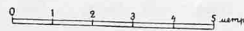

Рис. 8.

ворили вас (Вниз по левому краю портала:) пар|ами и установили вая
сон для отдыха: ночь установили для вас покрывалом, а день—ареме-
нем для снискания нужно для жизни. Мы устроили над вами семь
твердей и поставили светило, ярко (По боковой стороне портала, го-
ризонтально:) пылающее; (по пояску вдоль цоколя:) Ниспослали из

облака дождь, обильно льющийся, чтобы ил возвращать хлеб и все рас-
текия, сады с ветаистыми деревьями. Истинно, день разделения есть
определенный срок времени, есть день, в который протрубится в тру-
бу, и вы пойдете толпами; раскроется небо и сделается воротами;
удвинутся с места горы и покажутся морем. Поистине, гегна будет
засадой, уклонившимся от правды—пристанищем! В ней они останутся
веками, там они не вкусят прохлады, не будет им друную питья, кро-
ме воды кипящей и смрадной; в воздалье (По наружной боковой сто-
роне южного портала, горизонтально:) в отплату (Вверх по правой

стороне портала:) за то, что не рассчитывали на отчет за себя, считали
наши знаменья ложными, определено ложными, тогда как мы все за-
писываем в книгу. Наслаждайтесь! Мы вам ничего (Поверх южного
портала*:) не прибавим, кроме муки. А для блаочестивых (По левому
краю портала, сверху вниз:)—блаженное жилище: сады и виноградники,
полноуроды, соответствующие им по летам, и полные чаши. Там не
услышат они ни пустословия ни лжи. (На боковой стороне портала
горизонтально:) в отплату (Вверх по правой

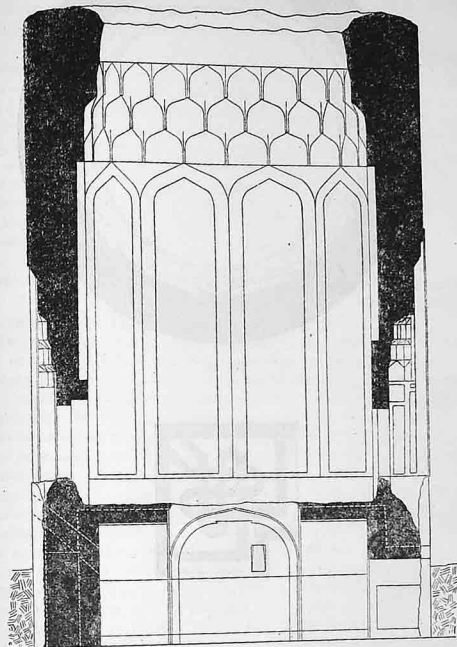
* Верхние углы порталного пояска с надписью заполнены орнаментом (рис. 11)

горизонтально:) Это в награду им (По пояску вдоль цоколя:) от
 господ твоего, в дар и воздание от господ небес, земли и того, что
 между ними, от милостивого. Они не смогут тогда обратиться к нему
 речи своей: в этот день, в который дух и ангелы станут строить
 будут говорить лишь те, которым позволит милостивый, и они скажут
 только верно! Этот день есть несомненный день. Кто захочет, тот
 изберет путь ко господу своему. Мы предупреждаем о муке уже близкой,
 о дне, в который человек увидит, что приоткрыли руки его, и в кото-
 рый нечестивый скажет: (На боковой стороне северного портала, го-
 ризонтально:) о, если бы я сделался прахом!"

Вторая, тоже довольно длинная, надпись расположена снаружи башни, по ее верху, на широкой гладкой полосе, окаймленной двумя узорчатыми поясками, под двойным рядом арочек, упирающихся в карниз башни. Она сохранилась только в обрывках, промер которых указывает на то, что она обходила всю окружность башни, начинаясь над северным порталом. Выполнена она круглым неском, врезкой заподлицо белых изразцовых букв и голубых харакатов и точек в темно-синий изразцовый же фон. Многие буквы и слова вынесены поверх основной строки. Б. Дорн только упоминает о ней, не говоря о содержании. Н. И. Ханников правильно отметил заимствование ее из стиха корана, но не привел полностью, у В. М. Сысоева она передана не имеющим никакого смысла набором арабских букв с очень неудачной транскрипцией сохранившегося отрывка ее русскими буквами и таким же переводом его. Надпись содержала полностью 256-й стих 2-й главы корана:

[الله لا اله الا هو الحي القيوم لاتاخره سنة ولا يوم له ما في السموات وما في الارض من الذي يشفع عنده الا باذنه يعلم ما بين ايديهم وما خلفهم ولا يحيطون بشئ من علمه الا بما شاء وسع كرسيه السموات والارض ولا يؤده حقلهما وهو العلي العظيم]

Аллах! Нет божества, кроме него, вечно сущего. Его не берет ни дремота, ни сон; в его власти все, что есть на небесах и на земле. Кто может представлять перед ним без его изволения? Он знает, что перед ним и что позади них: они же постигают его мудрость только в той степени, в какой ему угодно. Престол его вмещает небеса, и охрана их не бремя для него, потому что он высок, могуществен!

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Рис. 10.

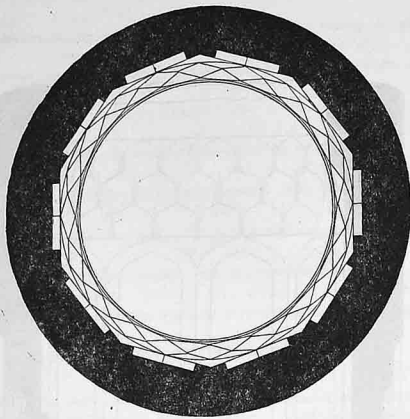

Рис. 9.

Рис. 11.

Рис. 13.

Рис. 12.

Третья надпись расположена внутри северного портала, непосредственно над обрамлением входной двери, под сталактитами. Она занимает полосу, шириной около 50—60 см, начинающуюся на правой стороне portalной ниши, идущую над дверью и переходящую на левую сторону той же ниши. Надпись выполнена таким же способом, такими же тонами изразцов и таким же шрифтом, как предыдущая.

Она начинается обычной вступительной формулой: قال النبي ﷺ = *Сказал пророк, да будет над ним [благословение]* Все остальное сбито. Но нет сомнения, что далее следовал какой-то хадис, как это отметил еще Н. И. Ханьков. Б. Дорн эту надпись не упоминает, а В. М. Сысоев говорит лишь, что от нее сохранились только отдельные буквы. Это неточно, так как все начало на правой щеке ниши сохранилось отлично. Кроме того, все, что говорится у него о надписях и устройстве северного портала, в действительности относится к южному и наоборот.

Четвертая надпись была расположена над самым обрамлением входной двери южного портала, под его сталактитами. Уже Ханьков нашел ее совершенно уничтоженной. В настоящее время даже известковая постель, на которой она была выложена, сбита настолько, что только в правом верхнем углу заметен не вполне отчетливый отпечаток выпавших букв от слова *الله* или скорее *الله*. Надпись эта, по всей вероятности, заключала в себе имя похороненного лица.

Пятая надпись находится в верхней части северного портала, выше арки со сталактитами. Выполнена она той же техникой и цветами, что и вторая и третья, более чем наполовину выкрошилась, но ее известковая постель сохранила отчетливые отпечатки значительной части выпавших букв. Она была повреждена уже при Н. И. Ханькове, который поэтому не прочел в ней одного слова (*ал-бинна*). С другой стороны, от читавшегося при нем слова *ал-нахичевани* теперь видны лишь верхние концы двух первых букв (*ал*) и три последних (*ани*). Но, кроме читанного Н. И. Ханьковым, и сейчас видны от слова *ал-бинна* верхние части букв *ал*- и конечная буква *а*, средние же буквы, судя по размеру промежутка между началом и концом и по аналогии с формами строительных надписей Нахичевани, можно без колебаний считать за *б-н*. Имя и отчество мастера, а также недостающие части слова *ал-хазиф* достаточно ясно видны на известковой постели, как показано пунктиром на прилагаемом рис. 11. В статье В. М. Сысоева, из сохранившихся на месте остатков букв, произвольно составлено несколько слов, не дающих никакого смысла (36). В полном виде эта, очень важная для истории азербайджанского строительства, надпись такова (рис. 12):

عمل احمد بن ايوب الحافظ البنا النخجواني

Работа Ахмеда сына Айюба, *ал-хазифа*, архитектора нахичеванского.

Шестая надпись, в верхней части южного портала, над аркой со сталактитами, является продолжением пятой и выполнена одинаковыми с ней техникой и цветами. На большей части своей площади она вы-

крошилась, но на известковой постели сохранились настолько отчетливые отпечатки выпавших букв, что и сейчас не представляется трудным ее полное чтение, данное еще у Н. И. Ханыкова. При посещении башни Б. Дорном в 1861 г., эта надпись была уже значительно пострадавшей. Дорн говорит, что не уверен в правильности чтения названия месяца шаввала. Тем не менее, слово это и ныне довольно ясно видно на известковой постели. Расположение слов дано на прилагаемом рисунке (рис. 13):

في شوال سنة اثني وعشرين وسبعماية

В шаввале года семьсот двадцать второго.

Шавваль 722 хиджры соответствует 13 октября—10 ноября 1322 г. Нет только точного указания, является ли это датой смерти похороненного или, что мы считаем более вероятным, датой сооружения памятника в смысле или его закладки или завершения его отделки. Последнее нам представляется наиболее правдоподобным, так как надпись 6-я служит, видимо, продолжением 5-й, подобно тому, как надпись 4-я шла по своему содержанию за 3-й и является поэтому строительной, а не погребальной. Кроме того, надпись отмечает, вероятно, момент постановки ее, а несомненно выкладка глазированных накладных изразцов фона и букв, как надписей 2—6-й, так и 1-й, по известковой постели, могла производиться лишь тогда, когда основная кладка стен и сводов была уже закончена, во избежание порчи поднимаемыми тяжестями.

К числу надписей, кроме слова الله (37), повторенного многократно на всей, свободной от орнаментации боковой поверхности башни, относится еще, тоже повторяющееся, слово на скошенном пояске обрамления северного портала. Оно выполнено тоже выкладкой торцом глазированных кирпичей, но меньшего размера, чем первое. В. М. Сысоев принимает его за „Аллах“, но с этим трудно согласиться. Вид этого слова изображен на рис. 2. Первая буква—несомненное „айн“ (ع) или „гайн“ (غ), следующий знак—вероятно „лям-эаиф“ (ي), но конечному—можно придать целый ряд значений (би, ти, си, ре, зайн, нун и т. д.) и потому его значение остается неопределенным.

IV

На упомянутом выше кладбище, за сухим руслом, в нескольких сотнях шагов от описанной башни к юго-востоку и к востоку от мечети, расположен другой памятник, известный на месте под именем „Ахсадам-баба“ (рис. 15). Нам неизвестно происхождение этого имени; попытки видеть в нем искаженное имя Ахситан, частое в роду ширваншахов-кесранидов, и на этом основании приписывать этот мавзолей одному из последних (38), не могут быть приняты ни по филологическим, ни по историческим соображениям: владения кесранидов никогда не охватывали Барду, и нет решительно никаких оснований думать, что кесраниды начала XIV в. занимались сооружением таких памятников в чужих владениях. Устройство этого памятника, сохранившегося лишь в своей по дземной части, видно из прилагаемых плана и разреза (черт. 14).

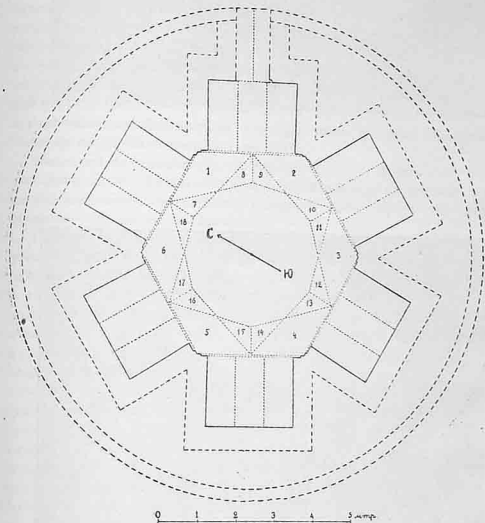
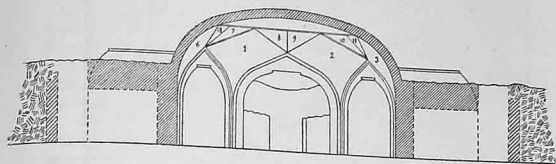

Рис. 14

Рис. 15.

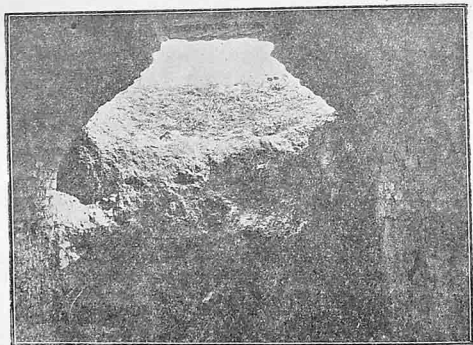

Рис. 16.

Центральная часть состоит из 6-ти-угольного помещения, верхняя часть которого, при посредстве 6-ти парусов и 12-ти плоскостей, сведена к 12-ти-угольнику, перекрытому сильно приплюснутым купольным сводом. К каждой из 6-ти граней примыкает ветвь, длиною около 170 см, перекрытая продольным сводом той же «усеченно-стрельчатой» формы, что и в башне, и заканчивающаяся глухой стеной (рис. 16). В конце одной ветви, приблизительно — северо-восточной, имеется выходная дверь (39). Все ветви к периферии немного, сантиметров на 8—10, расширяются. Замыкающие стенки несколько толще продольных. Все это выполнено из такого же точно кирпича, как и подвал башни, и так же, как там, охвачено кладкой из булыжника. Наружный контур этой кладки был, вероятно, облицован тесаным камнем, на месте не сохранившимся и показанным на плане пунктиром, той же приблизительно толщины (около 30 см), что и в башне. Определившийся таким образом наружный диаметр оказывается равным 12 м. Все сооружение завалено кругом землей и камнями, среди которых попадает много осколков глазированного кирпича и изразцов. Внутренность помещения покрыта узором, частью, как на срезающих плоскостях ветвей, выкладкой глазированных кирпичей, частью, как на парусах, куполе и пр. — мозаикой из кусочков глазированных плиток, укрепленных на известковой постели (рис. 17—19), частью, как на боковых стенках ветвей, — глазированными звездообразными плитками, ныне целиком ободранными, тоже на известковой постели (рис. 20).

Надписей не сохранилось, но они имелись: это доказывает найденный проф. В. М. Зумером небольшой обломок изразцовой плитки, на которой, путем сдирывания глазури с фона, получалась надпись черными буквами на светлом фоне.

Полное тождество строительных материалов, технических приемов, форм сводов, характера покрытия стен изразцами, мозаикой и выкладкой глазированными кирпичами, а также плана и расположения кладок и частей сооружения делает несомненным, что перед нами сохранившийся подвальный этаж башни-мавзолея, совершенно аналогичной первой, но отличавшейся несколько большими размерами, а потому и потребовавшей для себя некоторого усложнения субструкций. Четырехветвевый план первой башни, при ее диаметре в 10 м, дает значительные участки площади основания верхнего этажа, заполненные лишь забутовкой из булыжника, при диаметре же в 12 м, как во второй башне, эти участки увеличиваются до еще более опасных размеров, во избежание чего архитектор не только применил и тут и там прием небольшого уширения ветвей к концам, но и увеличил число ветвей в большей башне. Общая массивность постройки говорит о том, что вторая башня должна была быть в высоту не меньше, если не больше, первой. Но была ли она достроена или только начата и брошена незаконченной? Мы полагаем, что она была закончена постройкой полностью: мозаичная отделка подвала требовала, во-первых, основательной предварительной просушки и проветривания, а во-вторых, все отделочные работы как внутри, так и снаружи, из одинаковых материалов (известковая постель, резка пла-

ток и т. п.), наверное, пригонялись к одному времени, уже по окончании всего здания вчерне. Как показывает в значительной степени законченная отделка, она здесь была в свое время вполне закончена, как была закончена такая же, но теперь почти начисто содранная, мозаичная отделка подвала первой башни.

Аналогия, правильнее—гождество в технике постройки обоих памятников таково, что не только их надо отнести к одному времени, указанному в дате второго, но весьма вероятно, что оба они выполнены одним и тем же строителем.

Итак, бардинские башни-мавзолеи, как показывают и их устройство и их надписи, являются култовыми погребальными сооружениями, какими их правильно считает местное население. Датированные с началом XIV в., они представляют собой характерные и высокохудожественные образцы одного из видов местного култового строительства переходной эпохи, когда резко выраженные формы феодального производства и феодальных отношений в Азербайджане начинают распадаться под действием новых экономических факторов, влияние которых, ошутимое с начала XIII в., приводит общественные отношения к типу, получающему ясное оформление в XV и даже в начале XVI века.

Для истории азербайджанского строительства они важны, не только как дающие датированные формы, но и как устанавливающие длительную жизнь таких художественных центров, как нахичеванский, проявлявший свою деятельность не только на месте, но в некоторые времена и сравнительно далеко за пределами своего местонахождения.

Было бы интересной задачей—выяснить происхождение, эволюцию форм и область распространения этого типа погребальных сооружений, встречающихся, главным образом, в западной половине Ирана и в прилегающих к нему странах. Ряд более или менее близких аналогий бардинским башням мы встречаем как в пределах АССР, например,—нахичеванская мавзолей-башня и др., так и в иранском Азербайджане, где особенно близка к ним башня-мавзолей около г. Салмаса (70* г. = нач. XIV в.). Такими же аналогами являются: башня рейская в тегеранском районе, башня Кауса—в прикаспийском и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Предварительный очерк Барды и ее памятников готовился к помещению на украинском языке, в сборнике „Ars caucasica“.
2. Brosset M. — Hist. de la Géorg. I (1849); p. 17; грузинск. текст, стр. 16.
3. Его же — *Ididit*, I (1851), p. 1.
4. Вахушт — География Грузии, изд. М. Броссе (1842), груз.-франц. стр. 145—146, русск. перев. И. Джавадшвиля (1904), с. 36.
5. Ал-Макидиси — пер. Н. Караулова в „Сб. мат. для оп. м. и пл. Кавк. XXXVII“ (1908), ст. 6.
6. Моисей Каганкатвацци — История агван, пер. К. Патканьяна (1861), с. 241.
7. В анонимной „Хронике войн джардз“, изданной АзГНИИ, упоминается, в начале XVIII в., местность Бур-ха и к северу от Куры, но без точного указания положения.
8. Моисей Каг. — стр. 32. По ибн-Хоралдбеку и ибн-ал-Факиху, Барда'а построена при Каваде I (487—497 и 499—531). См. Сб. мат. XXXI, с. 11, 15 и XXXII, с. 15.

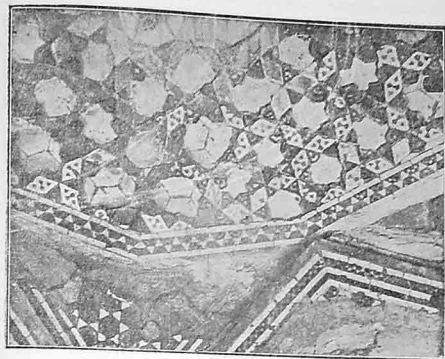

Рис. 17.

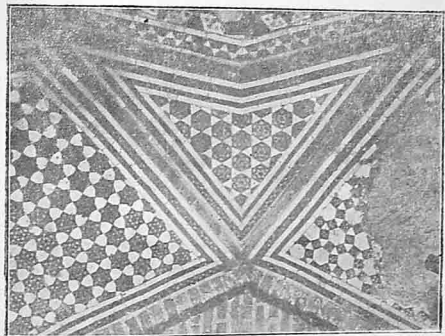

Рис. 18.

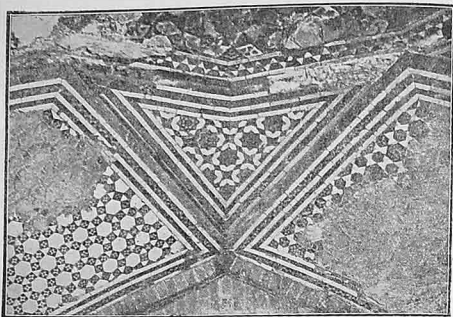

Рис. 19.

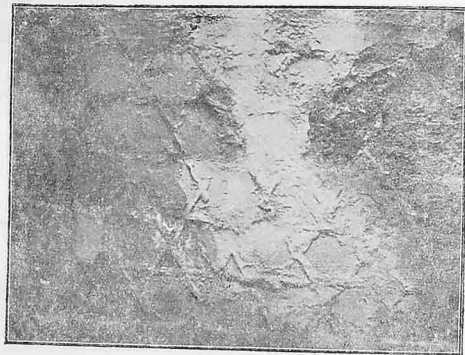

Рис. 20.

Возможно, что эти известия пополняют друг друга, и что город, расширенный и перестроенный при Фирuze и переименованный в честь последнего при новой перестройке обрел сакиндю; на это указывает форма имени *Пероз-Кавата*, упоминаемая у Каг., стр. 140, 143, 171, 191.

9. Упоминаемая еще Паминем (II в.) и К. Протосеем (II в.) См. Латышев В. В. — Изв. арх. о Скиф. и Кавк. II (1904), с. 181 и I (1893), с. 243.

10. Монсей Каг. и Hist. de la Géogr. I.

11. Монсей Каг., стр. 280.

12. Там же, стр. 183.

13. Якуб и — История, пер. П. Жузе (1927), с. 5; Баладзори — Кн. завоев. стран, пер. П. Жузе (1927), стр. 13.

14. Монсей Каг., стр. 265.

15. Цилюсани Н. О — Исслед. на предпо. мест. Барда'а [Проток. подготов. комит. V арх. с'езда (1881)], стр. 493—496.

16. Флоровский, А. В. — Изв. о древн. Руси араб. пис. Мискавейхи и т. д. в Semin. Kondakov. I (1927), стр. 175—186.

17. Якут — Геогр. словарь, под словом Барда'а.

18. Дори, Б. — Каспий (1875), стр. 475.

19. Даты монет 1328/9 г. не вполне установлены.

20. Hammer-Purgstall — Gesch. d. Ilch. II (1843), 273.

21. Там же, стр. 274—278; Howorth H. — Hist. of the Mong. III (1888), 592—595.

22. Hammer, стр. 284.

23. Дори, Б. — Каспий, 473.

24. В надписях 557 (=1161/2) и 582 (1186/7) г. г. см. Khanykoff — Sur quelq. inscr. etc. (Bull. h.-ph. VIII, p. 27—29).

25. Описание Ханека и ее надписей готовится к изданию.

26. Hammer, II, 374.

27. Khanykoff, N. — Mém. sur les inscr. mus. du Cauc. [Journ. As. XX (1862), p. 70—71].

28. Каспий, стр. 68 и 473—476 и Атлас к его путешествию (1895), табл. VI, где стены крепости, окружающей башню, неправильно показаны сложными как будто из камня.

29. Сысоев В. М. — Бердаа, в Изв. Аз. Арх. Ком. I (1926), стр. 49—63. В числе неточностей имеются следующие: толщина стен башни 0,75 м (двое меньше действительной); неправильный цвет полов наразов; неверно утверждение, что в башне сохранились следы выпавших сставных наразов звезд; средняя часть подвала не округлая, а квадратная; стили надписей внизу и вверху различны: нижняя кувическая, верхняя — нес. техника их выполнения тоже различна; северный и южный порталы в описании перепутаны и т. д. О неточностях перевода надписей см. в тексте и ниже.

30. У обычной стрельчатой арки верхняя часть заменена горизонтальной плоскостью, соединенной с оставшейся частью арки небольшими зацепками, плоскости которых несколько расходятся кверху.

31. За эти следы приняты, вероятно, грубо процарапанные черты, являющиеся благодаря своему пересечению, нечто вроде азбучного рисунка, но никаких признаков отпечатков выпавших отсюда наразов нет. Это, вероятно, даряние стен посетителями.

32. Эти-то выбоины и названы у В. М. Сысоева (с. 50) тремя рядами ниш.

33. Каспий, стр. 474.

34. Бердаа, с. 51.

35. Казань 1904 г.

36. Бердаа, с. 52.

37. В. М. Сысоев, читая „Алла“ (стр. 51), передает это слово арабскими буквами „Ш“, т. е. в датском падеже, чего здесь нет. То же несоответствие между русским переводом и арабской передачей и в загадочном слове северного портала.

38. Н. И. Ханыков передает это, как одно из ходячих среди местных жителей мнение, но, возможно, что со слов кого-нибудь из лиц литературно-образованных, а потому предававшего не народное предание, а собственное осмысление слова.

39. Проход от нее показан пунктиром, так как это место скрыто под еще нерасчищенной частью строительного мусора и землей (черт. 14).

RÉSUMÉ

LES TOURS MAUSOLÉES A BARD A ET LEURS INSCRIPTIONS.

PAKHOMOV E. A.

Barda en Azerbaïdjan, sur la rivière de Terter, affluent du fleuve de Koura, existant au XIXe siècle comme un petit village, se transforme à présent, grâce à la construction socialiste, en un grand centre. Ce lieu a conservé le nom de la ville qui s'y trouvait, dont la fondation se rapporte à l'antiquité reculée et dont le nom ne peut être expliqué par aucune des langues contemporaines locales. Cette ville prend surtout de l'importance sous les Sassanides aux V—VII siècles et elle devient la capitale de la Transcaucasie orientale. Sous les Arabes elle conserve encore son importance administrative et commerciale; mais au Xe-ième siècle, surtout après sa dévastation par les Rousses, à peu près en 944—945 elle tombe.

Les auteurs du XIIIe siècle en marquent sa décadence, mais encore au XIVe siècle on y bat la monnaie. On rapporte au même siècle quelques collisions de guerre dans les environs de Barda. Vers le XVIIe siècle il ne restait dans sa place qu'un village insignifiant.

Au XIIIe siècle les formes des rapports féodaux en Azerbaïdjan subissent de grandes modifications; les grands féodaux reçoivent des ressources pour les constructions non seulement féodales, mais encore d'autre caractère. Cela contribuait au développement de l'architecture d'art et à naissance des écoles d'architecture locales, comme celle de Nakhitchevan. Celle-ci procurait des maîtres qui ont laissé une série d'inscriptions mémorielles avec ses noms accompagnés de dénomination: „Architecte de Nakhitchevan“.

Il est resté à Barda une mosquée assez ancienne, un cimetière, à côté d'elle une forteresse au murs d'argile, dont la description est donnée dans le texte, tour-mausolée entière, et le sous-sol d'une deuxième tour. Les deux tours sont de brique et superbement décorées de briques vernies et de carreaux de faïence.

Ce monument fut examiné en 1930 par moi et le professeur V. M. Zimmer et les résultats en sont donnés dans le texte, accompagné de plans et de dessins.

La tour-mausolée principale a conservé plusieurs inscriptions déchiffrées et en partie éditées par N. Khanikov (1862). La transcription faite plus tard par V. M. Syssoïev (1926) présente un pas considérable en arrière. La

plupart des inscriptions sont les versets du koran exécutés en „neskhi“ et en „coufi“. Outre cela une de ces inscriptions porte le nom „d'Ahmed fils d'Ayoub, el-khafiz, architecte de Nakhitchevan“, tandis que l'autre—la date: mois de Chevval de l'an 722.

L'examen du monument et de ses inscriptions aboutit à la déduction, que c'est véritablement une tour-mausolée sépulcrale analogue à celles répandues dans les parties septentrionales et occidentales de l'Iran et en Transcaucasie.

Datée du commencement du XIIIe-ième siècle elle présente un monument de grand art, ayant une grande importance pour l'histoire de l'art de l'Azerbaïdjan et marque par son apparition l'un des moments importants de l'histoire du féodalisme en Azerbaïdjan.